

Встреча — эпизод 2 из 8

Вздыхнув, он спрятал в левый боковой карман карточку и письма и принялся мечтать о будущей семейной жизни. И эти мечты показались ему еще приятнее, чем даже мечты об общественном деятеле, который придет к нему благодарить за посеянные в его сердце добрые семена.

Море шумело далеко внизу, ветер становился свежее. Английский пароход вышел из полосы лунного света, и она блестела, сплошная, и переливалась тысячами матово-блестящих всплесков, уходя в бесконечную морскую даль и становясь все ярче и ярче. Не хотелось встать со скамьи, оторваться от этой картины и идти в тесный номер гостиницы, в котором остановился Василий Петрович. Однако было уже поздно; он встал и пошел вдоль по бульвару. Господин, в легком костюме из шелковой сырцовой материи и в соломенной шляпе, с навернутым на тулью кисейным полотенцем (летний костюм местных щеголей), встал со скамьи, мимо которой проходил Василий Петрович, и сказал:

Позвольте закурить.

Сделайте одолжение, ответил Василий Петрович.

Красный отблеск озарил знакомое ему лицо.

Николай, друг мой! Ты ли это?

Василий Петрович?

Он самый... Ах, как я рад! Вот не думал, не гадал, говорил Василий Петрович, заключая друга в объятия и троекратно лобзая его. Какими судьбами?

Очень просто, на службе. А ты как?

Я учителем гимназии сюда назначен. Только что приехал.

Где же ты остановился? Если в гостинице, едем, пожалуйста, ко мне. Я очень рад видеть тебя. У тебя ведь нет здесь знакомых? Поедем ко мне, поужинаем, поболтаем, вспомним старину.

Поедем, поедем, согласился Василий Петрович. Я очень, очень рад! Приехал сюда, как в пустыню, и вдруг такая радостная встреча. Извозчик! закричал он. Не нужно, не кричи. Сергей, давай! громко и спокойно произнес друг Василия Петровича.

К тротуару подкатила щегольская коляска; хозяин вскочил в нее. Василий Петрович стоял на тротуаре и в недоумении смотрел на экипаж, вороных коней и толстого кучера.

Кудряшов, эти лошади твои?

Мои, мои! Что, не ожидал?

Удивительно... Ты ли это?

Кто же другой, как не я? Ну, полезай в коляску, еще успеем поговорить. Василий Петрович влез в коляску, уселся рядом с Кудряшовым, и коляска покатила, дребезжа и подскакивая по мостовой. Василий Петрович сидел на мягких подушках и, покачиваясь, улыбался. Что за притча! думал он. Давно ли Кудряшов был беднейшим студентом, а теперь коляска! Кудряшов, положив вытянутые ноги на переднюю скамейку, молчал и курил сигару. Через пять минут экипаж остановился.

Ну, братец, выходи. Покажу тебе мою скромную хижину, сказал Кудряшов, сойдя с подножки и помогая Василию Петровичу вылезть.

Прежде чем войти в скромную хижину, гость окинул ее взглядом. Луна была за нею и не освещала ее; поэтому он мог заметить только, что хижина была одноэтажная, каменная, в десять или двенадцать больших окон. Зонтик на колонках с завитками, кое-где позолоченными, висел над дверью из тяжелого дуба с зеркальными стеклами, бронзовой ручкой в виде птичьей лапы, держащей хрустальный многогранник, и блестящей медной доской с фамилией хозяина.

Однако хижина у тебя, Кудряшов! Это не хижина, а, так сказать, палаццо, сказал Василий Петрович, когда они вошли в переднюю с дубовой мебелью и зиявшим черною пастью камином. Неужели собственная?

Нет, брат, до этого еще не дошло. Нанимаю. Недорого, полторы тысячи. Полторы! протянул Василий Петрович.

Выгоднее платить полторы тысячи, чем затратить капитал, который может дать гораздо больший процент, если не обращен в недвижимость. Да и денег много нужно: ведь уж если строить, так не этакую дрянь.

Дрянь! воскликнул в изумлении Василий Петрович.

Конечно, дом неважный. Ну, пойдем, пойдем скорее...

Василий Петрович успел уже снять пальто и направился за хозяином.

Обстановка квартиры Кудряшова дала новую пищу его удивлению. Целый ряд высоких комнат с паркетными полами, оклеенных дорогими, тисненными золотом, обоями; столовая под дуб с развешанными по стенам плохими моделями дичи, с огромным резным буфетом, с большим круглым столом, на который лился целый поток света из висячей бронзовой лампы с молочным абажуром; зал с роялем, множеством разной мебели из гнутого бука, диванчиков, скамеек, табуреток, стульев, с дорогими литографиями и скверными олеографиями в раззолоченных рамах; гостиная, как водится, с шелковой мебелью и кучей ненужных вещей. Казалось, хозяин квартиры вдруг разбогател, выиграл двести тысяч, что ли, и на скорую руку устроил себе квартиру на широкую ногу.

